

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Подписи к иллюстрациям в конце разделов

С. 32. Бронзовая монета Ирода I Великого. 35 г. до н. э. Аверс: круговая легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΗΡΩΔΟΥ («Царь Ирод») вокруг македонского шлема, на одной стороне которого в поле буквы ΛΓ («Год 3-й» [царствования Ирода]), на другой монограмма: ΤΡ[Ἰχθυον] (?). Реверс: изображение македонского щита.

С. 115. Бронзовая монета этнарха Архелая. 4 г. до н. э. – 6 г. н. э.

Еврейские надписи, еще сохранявшиеся на монетах царей из династии Хасмонеев, совершенно исчезают на монетах эллинизированной династии Ирода. Преемники Ирода и римские наместники Иудеи пользуются в чеканке исключительно греческим языком.

С. 268. Бронзовая монета наместника Марка Амбвизия. 10/11 г. н. э. Аверс: ячменный колос, по сторонам которого надпись: ΚΑΙΣΑΡΟΣ («Цезарь»). Реверс: пальма с плодами и буквы Λ-ΔΕ («Год 53-й» [Цезаря Августа]).

На монетах, выпускаемых римскими наместниками Иудеи, в согласии с местными обычаями отсутствовали человеческие изображения, а также изображения животных и птиц. Было позволительно изображать лишь предметы храмового богослужения, а также различные символы Израиля: пальмовую ветвь, пшеничные колосья и т. п. На монетах отсутствуют также имена самих наместников; обычно их определяют по датам, стоящим на монетах и обозначающим год правления того или иного императора.

С. 373. Бронзовая монета наместника Валерия Грата. 23/24 г. н. э. Аверс: внутри лаврового венка легенда в три линии: ΤΙΒ-ΚΑΙ-ΣΑΡ («Тиберий Цезарь»). Реверс: пальмовая ветвь, по сторонам которой надписи: [Ι]ΟΥ-ΛΙΑ («Юлия») и Λ-С («Год 10-й» [Тиберия Цезаря]).

Встречаемое в это время на палестинских монетах имя ΙΟΥΛΙΑ ΚΑΙΣΑΡΟΣ означает мать императора Тиберия Юлию Августу (Ливию Друзиллу), умершую в 29 г. н. э. См.: *Madden F. D. Coins of the Jews. London, 1881.*

С. 418. Бронзовая монета (лепта) Понтия Пилата. 29/30 г. н. э. Аверс: круговая легенда: ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ («Тиберий Цезарь»), дата: Λ.ΙΣ («Год 16-й» [Тиберия Цезаря]) и изображение ритуального ковша (simpulum). Реверс: три связанных пшеничных или ячменных колоса и круговая легенда: ΙΟΥΛΙΑ ΚΑΙΣΑΡΟΣ («Юлия Августа»).

Среди палестинских монет изображение ритуального ковша (simpulum) встречается только на монетах Пилата, и по этой особенности их легко отли-

чить от других. Нумизматы отмечают, что форма изображенного ковша весьма необычна. Ковш этот довольно грубоват и тяжеловесен; кроме того, его ручка повернута вовнутрь, а не наружу, как принято. Некоторые исследователи склонны видеть здесь своего рода демарш Пилата, который, желая досадить враждебным ему иудеям, намеренно искажил предметы, используемые ими в богослужении.

Однако изображение пшеничных или ячменных колосьев на оборотной стороне монеты Пилата несколько не нарушают обычный палестинский чекан и вполне согласуются с еврейской традицией. Пшеница и ячмень включались в перечень растений, которыми была благословлена земля Израильская и которые прославлялись в Талмуде (ВТ Берахот, 57а). Кроме Пилата изображения пшеничных колосьев помещали на своих монетах иудейские цари Ирод Великий и Агриппа II, пусть и в несколько иной форме.

С. 460. Бронзовая монета (лепта) Понтия Пилата. 31/32 г. н. э. Аверс: вокруг жреческого посоха (*lituus*) круговая легенда: [ΤΙΒ]ΕΡΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ («Тибериус Цезарь»). Реверс: изображение ритуального ковша (*simpulum*) и дата: L.ΙΝ («Год 18-й» [Тибериус Цезаря]).

Посох с закругленным концом (*lituus*) — атрибут римских жрецов. Его изображение часто появлялось на римских монетах, особенно во время Цезаря Августа. В подражание римскому чекану изображение *lituus*'а поместил на своих монетах царь Ирод Великий, несмотря на то, что иудейские священнослужители такого посоха не имели. В данном случае Пилат лишь продолжил уже существующую традицию.

Бронзовые монеты, чеканенные в Иудее в наместничество Пилата, так же как и монеты его римских предшественников, имели весьма низкую стоимость по сравнению с другими монетами, чеканенными в восточных провинциях Империи. И все же ареал их распространения довольно обширен: археологи находят их за пределами Палестины — в Иордании, в Сирии и даже в Турции.

Подписи к иллюстрациям на вклейке

1. Кесарийская надпись Понтия Пилата. I в. н. э.

Иерусалим, Музей античных древностей

В 1961 г. во время раскопок римского театра в Кесарии Палестинской была обнаружена гранитная плита, на которой сохранилась часть латинской надписи. Наиболее возможное чтение: [Caesarien]S(ibus) TIBERIEVM ... [Pon]TIVS PILATVS ... [praef]ECTVS IVDA[ea]E ... [d]E[dit] — [Цезарей]С[кий] (т. е. Кесарийский) ТИБЕРИЕУМ ... [Пон]ТИЙ ПИЛАТ ... [преф]ЕКТ ИУД[е]И ... [посвятил]». Надпись эта, несомненно, принадлежит известному по Евангелиям Понтию Пилату и была сделана в годы его наместничества в Иудее (26–36 г. н. э.). Примечательно, что Пилат называется в надписи префектом, а не прокуратором, как было принято считать. Вероятно, перед родовым именем и прозвищем Пилата в надписи стояло его личное имя (преномен), но эта часть надписи не сохранилась. См. также раздел I, документ 5д.

2. Дубликат надписи Пилата перед римским театром в Кесарии Палестинской

Фото автора-составителя

3. Осуарий Иосифа бар Каиафы. I в. н. э.

Иерусалим, Музей античных древностей

На боку оссуария (сосуда для хранения останков умершего), найденного в 1990 г. в Иерусалиме, в гробнице иродянского периода, на склоне холма в долине Хинном, имеется арамейская надпись: **יְהוֹסֵף בֶּר קַפְּאָה** — «Иосеф, сын Каиафы». Возможно, что это сын того самого первосвященника, который судил Иисуса Христа. В Евангелиях не сообщается личного имени первосвященника, «Каиафа» же — это прозвище, имеющее тот же корень, что и арамейское прозвище апостола Петра — Кифа («Камень»). Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» называет этого первосвященника Иосиф Каиафа (XVIII 2.2). По-видимому, его сын, останки которого хранились в оссуарии, носил одинаковое с отцом имя.

Оссуарий этот был семейным: он содержал останки шести разных людей — двух младенцев, двух подростков, взрослой женщины и человека приблизительно 60-летнего возраста. Последний, как полагают, и был тем, имя которого указано на стенке оссуария. Любопытно, что внутри черепа этого человека была обнаружена монета, которую вложили в рот умершего по греческому обычаю. По всей видимости, в семье знаменитого первосвященника были не

очень озабочены соблюдением отеческих обычаев и придерживались эллинистической культуры. Для большинства иудейских погребений того времени такая деталь нехарактерна.

См.: *Greenhut Z. Burial Cave of the Caiaphas Family // Biblical Archaeology Review*, 18. N 5 (September/October 1992). P. 29–36.

4а–б. Осуарий Иакова, сына Иосифа. I в. н. э.

Частное владение

Арамейская надпись на стенке погребальной урны I в. н. э., гласящая: **יְעֻקֹב בֶּר יוֹסֵף אָחִיוּ דִישׁוּעַ** — «Иаков, сын Иосифа, брат Иисуса», позволила французскому археологу А. Лемэру утверждать, что урна эта принадлежит ни кому иному, как брату Иисуса Христа, известному в Церкви как Иаков Праведный (*Biblical Archaeology Review*. 2002. N 6). Если это так, то это самое раннее эпиграфическое упоминание Иакова Праведного и самого Иисуса Христа. Подробнее см. раздел I, документ 6.

5. Надгробная плита Абдеса Пантеры. I в. н. э. (CIL 13, 07514)

Музей Bad Kreuznach

На обнаруженной около германского городка Бингербрюка (Bingerbrück) надгробной плите I в. н. э. под рельефным изображением римского воина имеется латинская надпись, гласящая: **Tib[erius] Iul[ius] Abdes Pantera Sidonia ann[orum] LXII stipen[diorum] XXXX miles exs coh[orte] I sagittariorum h[ic] s[itus] e[st]** — «Тиб[ерий] Юл[ий] Абдес Пантера из Сидона, [проживший] 62 [года], прослуживший 40 лет солдатом I ког[орты] стрелков, [покойся] з[десь]». Эта находка вызвала большое оживление среди историков, изучающих раннее христианство. Кое-кто даже предположил, что этот воин и был тем самым солдатом Пантерой, которого Цельс (в передаче Оригена) называл внебрачным отцом Иисуса. В пользу такого отождествления говорят как хронологические, так и географические совпадения: финикийский Сидон находился по соседству с Палестиной, и за время своей долгой службы стрелок Пантера (вероятно, по происхождению он был семитом с именем Абдес) вполне мог побывать в Галилее.

Во всяком случае, данная находка свидетельствует о том, что мужское имя «Пантера», упоминаемое Цельсом и появляющееся в талмудических сообщениях об Иисусе, — не лингвистическая ошибка и не плод чьей-либо фантазии. Римляне — и, в частности, римские воины — носили это имя в качестве когонима (прозвища).

Стоит отметить, что на надгробии Абдеса Пантеры отсутствует традиционная посвятельная формула: **DM** — **Dis Manibus** («божественным теням»).

Возможно, буквы D и M находились в верхней, отколотой и не найденной части плиты, по сторонам от головы изображенного воина, либо на самом верху, в тимпане фронтона. Впрочем, известны несколько полностью сохранившихся римских надгробий без указанной посвятельной формулы. См., например: *Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. № 33.*

6. Фрагмент Евангелия от Марка (?), обнаруженный в Кумране

Среди находок в 7-й Кумранской пещере любопытный клочок пергамента (7Q5), на котором виден обрывок греческого текста. В пяти строках сохранились части некоторых слов:

..... €
 στωιη
 η καιτι
 ννησ
 θησα

Ученые-папирологи Д. Каллаган (J. O. Callaghan), К. Тиде (C. P. Thiede) и др. предположили, что это фрагмент наиболее раннего из Евангелий — Евангелия от Марка 6:52—53:

[συνῆκαν] ἐπὶ τοῖς ἄρτοις,
 [ἀλλ' ἦν α]ἰτῶν ἢ [καρδία πεπωρω-]
 [μέν]ῃ. καὶ τι[απεράσαντες]
 [ἦλθον εἰς Γε]ννησα[ρετ καὶ]
 [προσωρμίσ]θησα[ν.]

«...ибо не
 вразумились *чудом* над хлебами,
 потому что сердце их было окаме-
 нено. И, переправившись, прибыли
 в землю Геннисаретскую и
 пристали к *берегу*».

Если это действительно Евангелие от Марка (в чем, однако, нет уверенности из-за крохотности фрагмента), то перед нами самый ранний из сохранившихся христианских документов. Кумранское поселение было разрушено римскими войсками в 68 г. н. э., в ходе подавления иудейского восстания; незадолго до этого кумраниты спрятали свои свитки в пещеры. Получается, Евангелие от Марка возникло еще до падения Иерусалима (70 г.)! Правда, на основании

имеющегося фрагмента нельзя судить о тексте в целом: то ли это Евангелие от Марка, какое в своем окончательном виде вошло в Новый Завет (вместе с предсказанием о разрушении Иерусалима — 13:1–2), либо это одна из предыдущих редакций этого Евангелия, или же некий текст, положенный в основу или вошедший в Евангелие от Марка.

Добавим также, что не прекращаются попытки отождествить отрывок 7Q5 с греческими переводами ветхозаветных текстов, в частности с Иез 23:36; Зах 7:4–5, а также с другими греческими текстами, например, с сочинениями Филона Александрийского.

О текстуальных проблемах отрывка 7Q5 см.: Wallace D. P. 7Q5: The Earliest NT Papyrus? 2005.

7. «Titulus crucis» в церкви Святого Креста в Риме

В римской церкви Святого Креста Иерусалимского (Santa Croce in Gerusalemme) среди прочих реликвий (гвоздя распятия, шипов тернового венца, пальца апостола Фомы и др.), присланных, по преданию, из Иерусалима царицей Еленой, матерью Константина Великого, хранится т. н. titulus crucis — табличка, установленная на кресте распятия по распоряжению Понтия Пилата. Это — дощечка из орехового дерева размером 25 x 14 см, толщиной 2,6 см, на которой имеются надписи в три линии, несколько поврежденные по краям:

..... הנצ' . . .
 . . . ΒΣΥΝΕΡΑΖΑΝ.ΣΙ
 RSUNIRAZAN.I

В первой линии — остаток еврейской надписи, которая в полном виде, предполагается, выглядела так: [ישו] הנצ' רי מלך היהודים] — «Иисус Назорей, царь Иудейский». В следующих линиях следует перевод этой надписи на греческий и на латинский языки.

Известно, что дощечка эта была вмонтирована в стену церкви Святого Креста и скрывалась за мозаикой, пока не была обнаружена в ходе ремонтных работ в 1492 г. От других подобных табличек, в массовом порядке производимых в Средневековье для церковных реликвариев, дощечка эта отличается одной особенностью: греческие и латинские буквы надписи в подражание еврейскому письму написаны справа налево, а не слева направо, как полагается писать. Таким образом, две последние надписи должны читаться следующим образом:

ΙΣ ΝΑΖΑΡΕΝΥΣ Β[ΑΣΙΛΕΥΣ ΤΩΝ ΙΟΥΔΑΙΩΝ]
 I. NAZARINUS RE[IX IUDAEORUM]

В ученом мире эта дощечка была хорошо известна еще в XIX в. и обычно рассматривалась как средневековая подделка, изготовленная на основе евангельских сообщений о табличке Пилата. Совсем недавно, в 1997 г., немецкий

историк М. Хесеман (Hesemann) исследовал эту дощечку вместе со специалистами по древним письменам и опубликовал работу, в которой попытался доказать подлинность этой святыни. Помимо необычного начертания греческой и латинской надписей, на подлинность дощечки, по мнению М. Хесемана, указывает и расхождение с сообщением евангелиста Иоанна. В ранних редакциях Евангелия от Иоанна говорится, что надпись Пилата «написана была по-еврейски, по-римски, по-гречески» (19:20). Здесь же мы видим иной порядок перевода: после еврейской надписи следует греческая, а затем уже латинская. По мнению М. Хесемана, никакой средневековый христианский фальсификатор не рискнул бы так откровенно противоречить Священному Писанию. Так же и латинское обозначение NAZARINUS («Назорей») не совпадает с общепринятым в христианстве написанием NAZARENUS. Так написать мог человек, не знакомый с церковной традицией. Из всего этого делается вывод, что дощечка в церкви Святого Креста может быть подлинным *titulus crucis*, изготовленным по приказу Понтия Пилата и найденным св. Еленой в 326 г. в Иерусалиме вместе со Святым Крестом, как о том сообщают церковные историки IV–V вв.

Доводы М. Хесемана встретили справедливые возражения исследователей. Что касается порядка надписей на трех языках, то о каком противоречии Священному Писанию может идти речь, если в Евангелиях указывается разная последовательность надписей?! Например, в Евангелии от Луки говорится о «надписи, написанной словами греческими, римскими и еврейскими» (23:38). К тому же в распространенной на средневековом Западе Вульгате представлен именно тот порядок перевода *titulus'a*, который и воспроизведен на данной дощечке: сначала следует еврейская надпись, затем греческая и уже потом — латинская.

Что касается нетрадиционного латинского написания слова «Назорей», то версия М. Хесемана имела бы силу, если то же самое наблюдалось и в греческом варианте надписи. Однако здесь слово «Назорей» написано вполне традиционно.

Стоит обратить внимание также на то, что в первой линии надпись передана на древнееврейском языке (иврите). Средневековый фальсификатор не учел того обстоятельства, что евангельское указание на еврейскую надпись на кресте (Лк 23:28; Ин 19:20) означает, что она была написана по-арамейски, на разговорном языке евреев той поры.

8. Христос и апостолы

Фреска. Рим, катакомбы св. Домициллы. Нач. IV в.

9. Христос меж двух учеников

Фреска. Рим, катакомбы св. Коммодилы. Сер. IV в.

10. Античная карикатура на христиан.

Кон. II — нач. III в.

Граффити. Рим, Палатинский дворец

К раннехристианской эпохе относится граффити (graffito — «нацарапанный»), обнаруженное в 1856 г. при раскопках одного из помещений Палатинского холма в Риме. Судя по всему, в этом помещении проживали солдаты, охраняющие Большой цирк. Кто-то из них начертил на стене картинку, изображающую юношу, обращающегося с молитвой к распятой на кресте фигуре — человеку с ослиной головой. Вырезанная ниже греческая

надпись (с орфографической ошибкой) гласит: «Алексамен поклоняется своему богу» (ΑΛΕΞΑΜΕΝΟΣ ΣΕΒΕΤΕ ΘΕΟΝ).

Эта карикатура словно бы иллюстрирует замечание Тертуллиана, обращенное к римлянам: «Кое-кому из вас пригрезилось, что наш Бог — ослиная голова» (К язычникам, 11). Ранее в поклонении ослу подозревались иудеи (*Иосиф Флавий*. Против Апиона, II 80), и от них подозрения такие перешли и на христиан. Первое время христианство воспринималось (и, фактически, являлось) одним из течений иудаизма.

Как ни относиться к этой карикатуре, нельзя не признать за ней известную историческую ценность. На ней изображено распятие таким, каким его видел современник-нехристианин. Орудие распятия представляет собою два деревянных бруска, составляющие букву «Т» (tau), а не крест. Распятый одет в рубашку, в неподпоясанную тунику и в панталоны, какие у римлян носили солдаты. Ноги распятого упираются в нижний поперечный брус, прибитый к вертикальному. Имеется и дощечка с надписью, объясняющая вину казненного: она прикреплена на верхнем поперечном бруске рядом с головой распятого.

11. Античная печать с изображением якоря и рыбы. III в.

12. Христианские символы на надгробной плите III в.

Рим, катакомбы св. Домициллы

13. Воскрешение Лазаря

Фреска.

Рим, катакомбы св. Присциллы.

Кон. III в.

14. Христос вручает Петру свиток с законом

Ватикан, гроты св. Петра. Центральная часть саркофага. Сер. IV в.

15. Ларец со сценами Страстей (Повешение Иуды. Распятие)

Ок. 420–430 г. Резная кость. Лондон, Британский музей

Иконография Христа

Каким ранние христиане представляли своего Спасителя по внешнему виду? Вопрос этот оказывается едва ли не самым сложным для историков Церкви и ученых-исследователей. Анализ данных, имеющихся на этот счет, приводит к выводу о чрезвычайной противоречивости и запутанности представлений ранних христиан.

По-видимому, изображать Христа начали уже христиане II века. Раннехристианские ересиологи сообщают, что у гностической секты карпократиан были «образы», т. е. портреты Иисуса, которые они почитали наряду с «образами» Платона, Аристотеля и других известных философов; причем карпократиане уверяли, что их портреты Христа — копии того портрета, который будто бы был сделан по распоряжению Понтия Пилата (*Ириней Лионский. Против ересей*, I 25.6; *Епифаний. Панарион*, XXVII 6). До нас не дошло ни одного такого портрета. К V веку у христиан сложилось предание, что первый портрет Иисуса Христа написал не кто иной, как евангелист Лука (см. раздел VII, прим. 24), и в Средневековье фигурировало несколько икон, которые приписывались кисти этого евангелиста. С другой стороны, нельзя не заметить, что в Церкви долгое время не было единого мнения, как именно выглядел ее основатель. Уже во Втором Послании к коринфянам апостола Павла появляется фраза, имеющая отношение к внешнему облику Иисуса: «если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем» (5:16). Действительно, в Евангелиях отсутствует какое-либо описание внешности Иисуса. Неудивительно поэтому, что в ранней Церкви на этот счет существовали самые разные представления. Тертуллиан, например, полагал, что самоуничижившийся Бог должен быть некрасив и по внешнему виду (О воплощении, 9; Против Маркиона, III 17). Климент Александрийский также указывал, что в земной жизни Христос был невзрачен лицом, дабы его красота не отвлекала слушателей от его слов (Педагог, III 1). В противоположность этому Иоанн Златоуст, Иероним Стридонский и другие отцы Церкви считали, что облик Христа был прекрасен, и именно затем, чтобы привлекать к себе с первого взгляда (*Иероним. Комментарий на Мф*, 9:9).

Посетивший ок. 570 г. Палестину неизвестный нам по имени паломник из итальянской Плацентии (Пьяченцы) оставил описание своего путешествия, из которого мы узнаем, что в числе христианских святынь Иерусалима имелась церковь Св. Софии, принимаемая за бывший преторий Пилата, где судили Христа. «Посреди претория, — читаем в этом сочинении, — находится четырехугольный камень, на который ставили подсудимого для допроса, чтобы его видел и слышал весь народ. На этот камень подняли Господа, когда Его допрашивал Пилат, и там остались Его следы: нога красивая, небольшая, тонкая. Имеется и образ Его, писанный при Его жизни и поставленный в претории: рост обыкновенный, волосы кудреватые, руки красивые с длинными пальцами» (CSEL 39, 174–175). Под «образом Господа» разумеется портрет Иисуса Христа, выставленный в церкви Св. Софии, о котором говорили, что он писан

с натуры. Рассказ паломника из Плацентии заставляет нас вспомнить сообщение Иринея Лионского о портретах Иисуса, имевшихся у карпократян как копии того портрета, который якобы повелел написать Пилат. Во всяком случае, мы убеждаемся, что уже в раннехристианские времена существовали портреты и изображения Христа. Портрет, описанный пилигримом из Плацентии, по-видимому, соответствовал той точке зрения Церкви, что облик Иисуса был прекрасен.

Наиболее ранние изображения Христа, какие дошли до нас, были сделаны римскими христианами II–III вв. Спаситель представлялся в виде овцы (агнца), рыбы, либо в облике Пастыря доброго — условной аллегорической фигуры, напоминающей героев античности, причем в катакомбах изображения Пастыря нередко соседствуют с изображениями традиционных персонажей греко-римской мифологии. О том, что этот иконографический тип имеет прямое отношение к Христу, свидетельствуют более поздние изображения Пастыря доброго (IV–V вв.), на которых его голову окружает нимб, а в его руке или рядом с ним появляется Святой Крест.

Изображение Христа в виде овцы-агнца опирается на соответствующие новозаветные обозначения («Агнец Божий» в Ин 1:29, 36; «Агнец чистый» в 1 Пет 1:19; «Агнец закланный» в Отк 5:6,12; 13:8 и др.), а также связано с образом Пастыря доброго, восходящим к Ин 10:11, 14. На христианских надгробиях изображение овцы встречается вплоть до VI в. Иногда оно сопровождается надписями типа «Агнец незапятнанный» (AGNVS SINE MACVLA). Этот символизм нельзя всецело объяснить тяжестью гонений, постигших раннюю Церковь, ее почти подпольным существованием, равно как унаследованным от иудаизма запретом на человеческие изображения (запрет такой не соблюдали сами евреи, по крайней мере, евреи диаспоры). По-видимому, речь нужно вести об общем течении религиозной мысли той поры, когда не только христиане, но все общество в целом было склонно к такого рода символизму. Условные знаки и аллегорические изображения были в широком ходу у приверженцев самых разных религий.

Рыба — другой образ Спасителя у ранних христиан. В римских катакомбах изображения рыбы часто соседствуют с монограммой Иисуса Христа, а также с контуром корабельного якоря. Предполагается, что символика эта исходит из Ветхого Завета и сродни символике «живой воды» (Ж. Дательу), но мнение такое довольно спорно. Известно несколько античных амулетов в виде рыбы, равно как и в виде других морских обитателей. По всей видимости, выбор рыбы в качестве образа основателя Церкви объясняется тем, что греческое слово ΙΧΘΥΣ («рыба») можно понимать как аббревиатуру пяти слов: Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτήρ — «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель». Возможны также аллюзии на евангельское обращение Иисуса к рыбакам Иакову и Иоанну Зеведеевым: «Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф 4:19), а также на евангельское чудо умножения хлебов и рыб (Мф 14:13–21; 15:32–38). «Мы же, рыбки, — читаем у Тертуллиана, — вслед за Рыбой (ἰχθύς) нашей Иисусом Христом, рождаемся в воде, сохра-

нием жизнь не иначе, как оставаясь в воде» (О крещении, I 3—4). В данном случае вода — символ крещения и жизни — противопоставляется суше («сухим и безводным местам, где обитают гадюки, аспиды и василиски» — Там же), символизирующей неверие и погибель.

На надгробной плите из катакомб св. Домициллы (III в.) изображены две рыбы, между которыми нарисован якорь (ил. 12). Точно такое же изображение встречаем на надгробии римской христианки Лицинии Памии (III в.) под греческой надписью ΙΧΘΥΣ ΖΩΝΤΩΝ («И[исус] Х[ристос] С[ын] Б[ожий] С[паситель] живой»). Часть букв такой же надписи сохранилась на упомянутой выше надгробной плите. Рыбы символизируют Христа или шире — христиан. Символика якоря до конца не понятна, хотя сам по себе якорь вполне уместен в контексте моря и рыб. В новозаветном Послании к Евреям говорится, что надежда на Бога «для души есть как бы якорь безопасный» (6:18—19). Изображение якоря нередко встречается на античных монетах, — особенно часто на монетах династии Селевкидов; присутствует якорь и на некоторых иудейских монетах того времени. Судя по античным геммам, якорь и рыбы являлись общеупотребительными символами (ил. 11). В связи с этим можно вспомнить, что Силий Италик в своей поэме о 2-й Пунической войне называл Фабия Максима прибежищем (буквально: якорем — апсога) всех римлян в борьбе с Ганнибалом (Punica, VII, 24). Следовательно, якорь являлся у римлян символом убежища, спасения. Вероятно, христиане воспользовались этой популярной символикой, отнеся ее к своему Спасителю.

В III—IV вв. в римских катакомбах и на надгробиях христиан появляется то, что можно назвать портретом Христа. Его фигура присутствует в изображениях евангельских эпизодов. Таковы фрески в катакомбах св. Домициллы и св. Коммодилы, на которых Христос изображен посреди учеников (ил. 8; 9); фреска в катакомбах свв. Петра и Марцеллины (кон. III в.), представляющая сцену исцеления кровоточивой (Мф 9:20—22); горельеф на саркофаге III—IV вв. из кладбища св. Агнии, представляющий сцену встречи Иисуса с самарянской у колодца Иакова (Ин 4:4—42) и др. Во всех этих случаях Христос предстает в виде красивого юноши без бороды и усов, с короткими, а иногда с длинными вьющимися волосами, одетый в римскую тунику и паллиум. При этом Христос изображается юношей даже в тех случаях, когда рядом возникают фигуры апостолов — почтенных бородатых мужчин, как, например, на саркофаге в ватиканских гротах св. Петра (ил. 14), на саркофаге Юния Басса (359 г.), на мозаиках в мавзолее Галлы Плацидии (V в.) и в церкви св. Аполлинария Нового (VI в.) в Равенне. Этот ранний, «римский» тип Христа целиком и полностью следует канонам позднеантичной живописи. По внешнему виду основатель христианства совершенно неотличим от типичных римлян, какими они предстают на портретах той эпохи, и только по характеру картины, по сюжету, представленному художником, по символам либо по иным признакам мы можем идентифицировать изображенного как Иисуса Христа.

Знали безбородый тип и на Востоке. При раскопках эллинистического города Дура-Европос на Евфрате был открыт христианский «дом собраний», дати-

руемый серединой III в. Стены дома украшают фрески, представляющие типичную христианскую символику, включая Пастыря доброго, а также иллюстрирующие библейские сюжеты, в том числе новозаветные: Христос и самарянка, апостол Петр на Галилейском море и др. На одной из фресок изображен молодой человек в римской тоге, исцеляющего хромого или парализованного, который после исцеления уносит с собою свою кровать. Практически нет сомнений, что это иллюстрация евангельского эпизода Мф 9:1–8 и пар., а безбородый юноша в верхней части фрески — Иисус Христос. При ближайшем рассмотрении этот юноша оказывается довольно низкорослым, невзрачным человеком (ростом даже ниже исцеленного им паралитика), с темными короткими и несколько взъерошенными волосами. Никаких знаков отличия, атрибутов власти, нимба и пр., что возникло в христианском искусстве впоследствии. В этом образе еще много условного, фигура Христа передана достаточно схематично. Художник более старательно и с большими деталями представил паралитика, причем изобразил его дважды: в первом случае он немощным лежит на кровати перед Христом, во втором — уже исцеленный, уносит кровать с собою. Ясно, что в фокусе этой картины не образ Спасителя, а чудо исцеления.

Подробнее рассмотрим изображение Иисуса на фреске, представляющей евангельскую сцену воскрешения Лазаря, в катакомбах св. Присциллы, в Риме (ил. 13). Мы видим все тот же безбородый тип Христа, общепринятый у христиан до-Никейской эпохи. Так же как на фреске в Дура-Европос, у Иисуса короткие темные волосы; он одет как типичный римлянин, в тунику с длинными рукавами и в тогу. Левой рукой он придерживает копье или посох, правая его рука поднята — торжественный жест, называемый у римлян «ораторским» (*ad locutio*). Очевидно, что этот образ срисован с официальных портретов римских императоров. Точно такую же позу, то же самое копье в левой руке и совершенно такой же жест правой руки мы видим, глядя на знаменитую статую Цезаря Августа, хранящуюся в Ватиканском музее. Римские христиане воспринимали евангельского Спасителя как нового идеального небесного Цезаря. Позднее, с победой христианства в Империи, Христа стали изображать восседающем на троне посреди собрания апостолов и святых (мозаика в церкви св. Пуденцианы в Риме; 401–407), как в классическом искусстве изображали императора, председательствующего в сенате.

Безбородый («римский») тип Христа просуществовал вплоть до VII в. и в конце концов был отвергнут церковной иконографией, отвергнут как в целом, так и в частности, вплоть до предметов одежды. Начиная с IV в. в тех же римских катакомбах появляется совершенно другой иконографический тип Спасителя: благообразный бородатый мужчина средних лет, с длинными, ниспадающими на плечи волосами, чаще всего светлого цвета; он облачен в хитон и плащ (гиматий). Этот образ пришел в Рим с Востока и условно именуется «византийским». В конце концов он сделался наиболее распространенным как в Западной, так и в Восточной Церкви (см. раздел VII, документ 4).